

В Японии, островном восточноазиатском государстве, есть особые кварталы, называемые карюкай. Они созданы исключительно для получения эстетического удовольствия. Именно там живут гейши.

Карюкай в дословном переводе означает «мир цветов и ив». Каждая гейша, как цветок, красива по-своему и, словно ива, изящна, гибка и сильна.

До сих пор ни одна гейша не рассказывала свою историю широкой публике. Мы не только носим традиционные одежды — нас связывают неписанные правила, охраняющие детали нашего исключительного ремесла.

И все же отчего-то мне кажется, что пришло время говорить открыто. Я хочу, чтобы вы узнали, какова на самом деле жизнь гейши — жизнь, полная высочайших профессиональных требований и щедрых вознаграждений. Меня не раз называли лучшей гейшей своего поколения. Не берусь утверждать наверняка, однако самой успешной я точно была¹. И все же настал момент, когда моя

¹ Минэко не раз получала приглашения на банкеты со знаменитостями. Она развлекала таких известных людей, как Джеральд Форд, Альдо Гуччи, принц Чарльз и королева Елизавета II, и зарабатывала около 500 тысяч долларов в год.

жизнь показалась мне слишком тесной — тогда я просто закрыла эту страницу. Но воспоминания остались — я берегла их до сегодняшнего дня¹.
Итак, начнем.

Меня зовут Минэко².

Когда я родилась, отец выбрал для меня совсем другое имя. Минэко — мой рабочий псевдоним. Я получила его в пять лет. Так нарекла меня глава дома, в котором я воспитывалась гейшей, — госпожа Оима Ивасаки.

Дом Ивасаки располагался в городе Киото, в квартале Гион-кобу, самом знаменитом и традиционном из всех карюкай. В этом квартале я провела всю свою профессиональную жизнь.

В пять лет я переехала в дом гейш Ивасаки, в шесть начала учиться этому искусству. Когда мне было десять, семья Ивасаки официально удочерила меня и сделала наследницей всего своего бизнеса и имущества.

В Гион-кобу мы называем друг друга не гейшами (что значит «человек искусства»), а «гэйко»

¹ Американский писатель Артур Голден использовал информацию, полученную во время интервью с Минэко Ивасаки, при написании своей знаменитой книги «Мемуары гейши». Книга вышла в свет в 1997 году и имела успех, однако, по мнению Минэко, грешила фактическими ошибками. Чтобы исправить ситуацию, она решила написать собственные мемуары.

² Здесь и далее японские термины и имена собственные даны в транскрипции Поливанова, за исключением слов, закрепившихся в русском языке в ином написании (Киото, Йокогама, сашими, сайонара и т. д.). (Прим. пер.)

(«женщина искусства»). Одна из разновидностей гэйко, прославившаяся на весь мир и ставшая символом Киото, — это юная танцовщица «майко», то есть «женщина танца». Я буду использовать термины «гэйко» и «майко» на протяжении всей книги.

Я обожала танец. Он стал моей страстью, и посвятила себя ему без остатка. Я поставила себе цель стать лучшей танцовщицей — и своего добилась.

Именно танец поддерживал меня, когда прочие профессиональные обязанности становились слишком тяжелы — в буквальном смысле этого слова. Я вешу сорок один килограмм. А вес полного кимоно с украшениями для волос составляет около восемнадцати килограммов. И носить его непросто.

В двадцать лет я «перевернула воротник», то есть совершила ритуал перехода из майко во взрослую гэйко. И чем дальше, тем сильнее давила на меня косная, архаичная система, в которой мы тогда существовали. Много раз я пыталась начать изменения, которые позволили бы гэйко получать образование, сделали бы их финансово независимыми. Безрезультатно. В конце концов, разочаровавшись в своих силах, я решила отойти от дел. Этот шаг я совершила на пике успеха, в возрасте двадцати девяти лет, к ужасу окружающих. Я закрыла дом Ивасаки, который к тому времени уже находился под моим управлением, упаковала драгоценные кимоно и ювелирные украшения и покинула Гион-кобу. Сейчас я замужем, у меня есть дочь, которую зовут Косукэ.

В те годы, когда я жила в карюкай¹, Япония вступила в период радикальной трансформации, превращаясь из постфеодального государства в современное. Однако мы существовали в отдельном мире, особом царстве, природа которого состояла в сохранении освященных временем традиций прошлого. И я была предана этой цели.

В начале пути майко и гэйко живут и учатся в меблированном доме, который называется окия. Обычно этот термин переводят как «дом гейш». Жесткий режим, в котором они существуют, по напряженности сравним с распорядком прима-балерины, концертирующей пианистки или оперной певицы в западном мире. Владелица дома окия помогает гэйко войти в профессию, а затем, после дебюта девушки, снабжает ее клиентами. Молодая гэйко остается в окия минимум на пять лет, которых должно хватить, чтобы вернуть потраченные на ее образование средства. По истечении этого срока она может жить отдельно, поддерживая, однако, агентские взаимоотношения с окия.

Исключение составляет гэйко, которую назначили атотори, то есть наследницей дома. Она носит фамилию окия по рождению или после того, как ее официально удочерили (как это случилось со мной), и живет в доме на протяжении всей своей профессиональной карьеры.

Майко и гэйко выступают в отяя — элитных заведениях, предназначенных для торжественных банкетов. Часто «отяя» буквально переводят как

«чайный дом». Его посетители — избранные, специально приглашенные клиенты.

Что до широкой публики, то ей остается лишь ждать появления танцовщиц на разного рода ежегодных мероприятиях. Самое известное из них — Мияко Одори («Танцы столицы»)¹, оно проходит в театре нашей ассоциации, Кабурэндзо, в апреле.

Жизнь гейш, или, в моем случае, гэйко, окружена тайнами. Зачастую люди неверно трактуют саму суть нашего ремесла. Надеюсь, моя история поможет хоть немного рассеять окружающий его туман.

Приглашаю вас отправиться со мной в необычайный мир Гион-кобу.

Ж
И
З
Н
Ь

Г
Е
Й
Ш
И

¹ Столицей на тот момент уже был Токио, но в названии сохранено значение Киото как старой, культурной столицы.

1

В СВОЕМ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ я вижу немало иронии. Трудно было бы найти ребенка, столь неподходящего на роль гейши.

Гэйко высшего класса постоянно находится в свете софитов. Ее задача — угождать публике, используя все имеющиеся в арсенале навыки. Она — будто изящная ива, которая склоняется, чтобы услужить, и создает у окружающих настроение легкое и расслабленное. Настоящая гэйко никогда не бывает одна.

Я же по природе своей всегда была существом упрямым, своенравным, превыше всего на свете ценящим уединение. Большую часть раннего детства я провела, спрятавшись в темной кладовой. Мне не нужны были другие люди — я хотела быть сама по себе.

Странно, правда? Я будто нарочно выбрала самый сложный путь, на протяжении которого только и делала, что боролась с собой.

Думаю, что если бы я не попала в карюкай, то стала бы буддистской монахиней. Или сотрудницей полиции.

Так с чего же маленькая девочка, обожающая родителей, вдруг решила их оставить? Предала ли их, когда оставила отчий дом?

Позвольте рассказать вам, как все произошло.

За всю свою жизнь я была по-настоящему счастлива лишь в раннем детстве, когда жила в доме родителей. Счастье в данном случае означает чувство свободы и защищенности — я была еще очень мала, но меня оставляли в покое и позволяли делать все, что хочется. К несчастью, с тех пор как мне исполнилось пять, я больше никогда не оставалась одна и должна была постоянно угождать другим людям. Все мои последующие радости и триумфы оказались подпорчены этой двойственностью — темное, в чем-то даже трагическое противоречие стало частью моей личности.

Мои родители очень любили друг друга. Это была необычная пара. Папа происходил из древнего, но обнищавшего рода аристократов и феодалов. Мамины далекие предки были пиратами, а ближайшая родня — весьма состоятельными врачами.

Папа был высокий, худой, невероятно остроумный, деятельный и общительный человек. И при этом — очень строгий. В противоположность ему, мама, низенькая и пухлая, с очаровательным круглым личиком и пышной грудью, запомнилась мне как самый мягкий человек на свете. Непохожесть не мешала им решать все проблемы мирно. Отца звали Сигэдзо Танакаминамото (или, по японским

канонам, Танакаминамото но Сигэдзо), маму — Тие Акамацу¹.

Линия Танакаминамото существует уже пятьдесят два поколения. Основателем рода был Фудзивара но Каматару, человек, получивший титул за особые заслуги.

Члены аристократического рода Фудзивара из поколения в поколение занимали пост регента императора. В правление императора Сага один из представителей этого рода, Фудзивара но Мотоми, получил ранг дайтоку². Умер он в 782 году.

Его дочь, принцесса Танака, вышла замуж за императора Сагу и родила принца по имени Сумеру, который был восьмым в порядке наследования императорского трона. Дайтоку Фудзивара но Мотоми был преданным слугой императора, благодаря чему получил фамилию Танакаминамото и стал независимым аристократом.

Фамилию Минамото и по сей день имеют право носить только аристократы. Представители семьи Танакаминамото служили империи более тысячи лет и всегда занимали высокие посты — например, должность придворного геоманта, то есть чи-

¹ В этой книге японские имена записываются согласно западной традиции: сначала личное имя, а потом фамилия, за исключением исторических личностей, имена которых представлены в обратном порядке согласно японским обычаям. Кроме того, в соответствии с принятыми нормами, японские существительные указываются только в единственном числе (*прим. ред.*).

² Высший ранг придворного министра. Система рангов была введена при правлении принца Сётоку Тайси.

новника, занимающегося поиском благоприятных мест для строительства монастырей и храмов.

В середине девятнадцатого века в Японии произошли большие перемены. После падения военной диктатуры¹, которая правила страной более 650 лет, к власти пришел император Мэйдзи. Феодалная система была упразднена, и Япония стала превращаться в современное национальное государство. Аристократия и интеллигенция во главе с императором начали оживленные дебаты о будущем страны.

В этот период мой прадедушка Танакаминамото но Сукэёси тоже был готов к переменам. Он устал от бесконечной борьбы между фракциями и хотел избавиться от обременительных обязанностей, которые требовались от человека такого высокого положения. Император решил перенести столицу из Киото, где она располагалась более тысячи лет, в Токио. Но корни нашей семьи уходили глубоко в родную землю. Мой прадед не захотел покидать город. Как глава рода, он принял судьбоносное решение — отказаться от титула и перейти в простое сословие.

Император настаивал, чтобы Танакаминамото но Сукэёси сохранил за собой титул, но тот гордо заявил, что остается человеком из народа. Тогда император предложил прадеду оставить хотя бы фами-

¹ Последняя диктатура Токугава — феодальное военное правительство Японии, основанное в 1603 году Токугавой Иэясу и возглавляемое сёгунами из рода Токугава. Просуществовало более двух с половиной веков, вплоть до 1868 года.

лию, и тот согласился. В обиходе его род пользуется сокращенной формой фамилии — Танака.

Решение моего прадеда, весьма благородное с духовной точки зрения, оказалось катастрофой для материального положения семьи: отказ от титула означал потерю прав на имеющуюся собственность. Жертва была огромной — владения Танакаминамото к тому времени занимали обширную часть северо-восточного Киото площадью в несколько квадратных километров, от усыпальницы Танака на юге до храма Итидзёдзи на севере.

Ни мой дедушка, ни его потомки так и не смогли восстановиться после этой утраты. В новой экономической системе места для них не оказалось. В результате древний род продолжал чахнуть в благородной бедности, растрачивая сбережения и утешаясь превосходством по рождению. Позже некоторые из членов семьи стали мастерами по керамике.

Моя мама происходит из рода Акамацу. Среди ее предков было немало легендарных пиратов, которые в былые времена разбойничали на торговых путях Японского моря, у берегов Кореи и Китая. Впрочем, богатство, нажитое несправедным путем, к моменту рождения моей мамы уже превратилось во вполне законное состояние. Семья Акамацу никогда не служила даймё (феодалу), у нее было достаточно денег, и она имела широкое влияние по всей Западной Японии. Фамилию Акамацу семье дал император Го-Тоба (1180–1239).

Добывая иностранные товары, род моей мамы попутно накопил немало знаний о целебных травах и способах их приготовления. Целительство

стало еще одним ремеслом этой семьи. Лекари клана Икэда, баронов города Окаямы, были из рода Акамацу. Мама унаследовала от них способность лечить и позже передала свои умения папе.

Заканчивая краткий экскурс в историю, скажу, что мои родители, хоть им и не пришлось жить в столь героические времена, все же были не менее удивительными людьми. Папа закончил художественный колледж и стал оценщиком тонкого фарфора и дизайнером по ткани для элитных кимоно.

А моя мама обожала кимоно. Однажды она пришла в магазин и случайно столкнулась с моим папой, который влюбился в нее в ту же минуту. Он ухаживал за ней очень настойчиво, но классовые различия между ними были настолько велики, что маме эти отношения казались невозможными. Папа трижды предлагал ей стать его женой, а она отказывалась. Лишь неожиданная беременность моей старшей сестрой заставила маму согласиться на этот брак.

В то время папа был очень успешен и зарабатывал кучу денег. Его ткани продавались по самой высокой цене. Однако большую часть заработка папа отдавал своим родителям, у которых почти не было других средств к существованию.

Мои бабушка и дедушка жили с толпой родственников в огромном доме в районе Танака. В особняке было полно прислуги. К 1930-м годам семья растратила почти все сбережения. Некоторые мужчины их рода пытались стать полицейскими или чиновниками, но продержались недолго. Они попросту не были приучены зарабатывать на жизнь.

Ж
И
З
Н
Ь

Г
Е
Й
Ш
И

Папа тащил на себе весь дом и его обитателей. И хотя он и не был старшим сыном, дедушка и бабушка настояли, чтобы мои родители после свадьбы переехали к ним. Старикам просто нужны были деньги.

Поначалу семейная жизнь не складывалась. Моя бабушка, которую звали Тамико, была слишком эксцентричной, властной и вспыльчивой — то есть полной противоположностью моей мягкой, кроткой матери. Маму растили как принцессу, однако бабушка обращалась с ней как со служанкой — оскорбляла и пеняла на низкое происхождение. В роду Акамацу были известные преступники, но те времена давно прошли. Бабушка же вела себя так, будто вся семья моей мамы до сих пор запятнана. Она считала, что мама недостойна быть женой ее сына.

Бабушка Тамико увлекалась фехтованием и мастерски владела нагинатой, японской алебардой. Кротость моей мамы сводила бабушку с ума, она то и дело насмеялась над ней, гоняясь по дому и открыто угрожая изогнутым клинком. Выглядело все это дико и очень страшно. Однажды бабушка зашла слишком далеко. Она несколько раз проткнула мамин оби (пояс кимоно) и срезала его с ее талии. Это стало последней каплей.

В тот момент у родителей уже было трое детей — две девочки и мальчик. Девочек звали Яэко и Кикико. Яэко исполнилось десять лет, Кикико — восемь. Папа оказался в затруднительном положении: у него не хватало денег, чтобы содержать родителей и жить отдельно со своей семьей. Он поведал о своих проблемах одному из деловых партнеров, торговцу тканями для кимоно. Этот

торговец и заговорил с папой о карюкай. Сказал, что может попробовать связаться с хозяйкой одного из тамошних заведений.

Мой папа встретился с хозяйкой окия Ивасаки из Гион-кобу, одного из лучших домов гэйко в Японии, и с хозяйкой Понто-тё, другого квартала гэйко в Киото. В результате там нашлись места для обеих моих старших сестер. Согласно контракту, им предлагалось учиться традиционным видам искусства, этикету и правилам хорошего тона. Кроме того, сестрам была гарантирована полная поддержка на профессиональном пути. После получения статуса полноценных гэйко и выплаты всех долгов они могут жить и работать самостоятельно, оставляя в своем распоряжении все заработанные деньги и перечисляя окия лишь агентские проценты с доходов.

Могли ли мои родители вообразить, насколько долгими станут их отношения с карюкай и как они повлияют на наши жизни? Сестры были подавлены — им, в отличие от мамы, не хотелось покидать надежный дом бабушки и дедушки. Яэко так и не избавилась от ощущения, будто ее бросили, и до сих пор носит в душе злобу и горечь.

Мои родители с сыном переехали в пригород Киото, Ямасину. В последующие годы мама родила еще восьмерых детей. В 1939 году, в очередной раз оказавшись на грани разорения, родители отправили в окия Ивасаки еще одну дочь, мою сестру Кунико, и она стала помощницей хозяйки.

Я родилась в 1949 году, когда папе было пятьдесят три, а маме — сорок четыре, — второго ноября, под знаком Скорпиона, в год Быка. Родители на-